

Экзерг

“ 1. Тот, кто воссияет в науке письма, воссияет, подобно солнцу.

Писец (EP, p. 87)

О, Шамаш (бог солнца), своим светом ты озираешь весь мир как клинопись.

Ibid.

“ 2. Эти три вида письма точно соответствуют трем различным состояниям людей, образующих народ. Изображение предметов подобает дикарям, знаки слов и высказываний — варварам, буквенное письмо — цивилизованным народам.

Ж.-Ж.Руссо. "Опыт о происхождении языков "

“ 3. Буквенное письмо в себе и для себя наиболее разумно.

Гегель. "Энциклопедия"

Предназначение этого тройного экзерга [36] не только в том, чтобы привлечь внимание к *этноцентризму*, который везде и всегда управлял понятием письма. Или же к тому, что мы назовем *логоцентризмом*. Метафизика фонетического письма (например, буквенного) по сути своей была - по загадочным, но важным причинам, непонятным с позиций простого исторического релятивизма, — самым первым и самым мощным этноцентризмом, который ныне навязывает себя всему миру и управляет в рамках единого *порядка*:

1) *понятием письма* - в мире, где выработка фонетического письма сопряжена с сокрытием собственной истории письма как такового;

2) *историей метафизики*, которая, несмотря на все различие подходов — от Платона до Гегеля (включая даже Лейбница) и даже от досократиков до Хайдеггера, — всегда видела (перво)начало истины как таковой в логосе. История истины, история истинности истины всегда была — за исключением одной метафорической уловки, которую нам нужно будет учесть, — принижением письма, его вытеснением за пределы "полной" речи;

3) *понятием науки или научности науки*, которое всегда относили к области логики; понятие это всегда было философским, хотя научная практика неустанно оспаривала империализм логоса, с самого начала и все настойчивее обращая внимание, например, на нефонетическое письмо. Ясно, что такое ниспровержение никогда не вырывалось за рамки системы

высказываний, внутри которой сложились и проект науки, и условности любого нефонетического обозначения [37]. Иначе и быть не могло. Правда, в нашу эпоху оказывается, что в тот самый момент, когда фонетическое письмо — историческое начало и структурная возможность философии как науки, условие эпистемы - распространяется на всю мировую культуру [38], оно уже не отвечает запросам науки, ее последним достижениям. Это несоответствие изначально побуждало к движению. Однако лишь теперь оно может проявиться как таковое, а мы можем вплотную им заняться, не пытаясь переводить эту новизну в такие обобщающие понятия, как изменение, объяснение, накопление, революция или традиция. Значимость этих понятий ограничена системой, распадающейся на наших глазах: они характеризуют различные стили исторического движения, которое имеет смысл — как, впрочем, и само понятие истории - лишь внутри логоцентрической эпохи.

Этот эскиз не только намекает на то, что наука о письме находится в плену метафоры, метафизики и теологии [39], и не только указывает, что эта наука — *грамматология* [40] — везде в мире делает решающие усилия для своего освобождения. Усилия эти неизбежно оказываются слабыми, разрозненными, едва заметными: это связано и с их смыслом, и с их обстоятельствами. Нам хотелось бы прежде всего предупредить, что, даже если наше предприятие будет необходимым и плодотворным, даже если ему посчастливится преодолеть все технические и эпистемологические препятствия, все теологические и метафизические помехи, и теперь еще его сковывающие, - все равно наука о письме, возможно, никогда не будет создана как таковая и под этим названием. Ведь она никогда не сможет определить единство своего проекта и своего объекта. Она не сможет построить свое собственное рассуждение о методе и очертить свои границы. И на это есть существенные причины: дело в том, что единство той области, к которой относятся ныне самые различные понятия науки и письма, в принципе, более или менее явно, но неизменно определяется историко-метафизической эпохой, ограниченность (*cloture*) которой нам уже видна. (Не будем пока говорить о ее конце). Понятие науки и понятие письма - а тем самым и науки о письме — имеют для нас смысл лишь в том мире, где уже наличествует хотя бы какое-то представление о знаке (далее будет сказано: где наличествует само понятие знака), а также об отношениях между речью и письмом. Это отношение — несмотря на его привилегированный статус, на его необходимость, на всю широту той области, которой оно управляло, прежде всего на Западе вот уже несколько тысячелетий, - вполне четко определено: так вот теперь оно вполне может разрушиться, изобличив свои пределы.

Быть может, неспешные размышления и тщательные разыскания вокруг всего того, что покамест называется письмом, не останавливаясь пред вратами науки о письме и не отвергая ее в порыве мракобесия, позволят ей, напротив, как можно полнее раскрыть свою позитивность; быть может, все это суть движения мысли, честной и внимательной перед лицом неминуемо наступающего (*a venir*) мира, который уже являет себя за оградой (*cloture*) нашего знания. Будущее можно предчувствовать лишь как некую абсолютную опасность. Ведь оно полностью порывает со сложившимися нормами, и потому оно может явить себя, показать себя лишь в чудовищном облике. Этот наступающий мир, который поколеблет значимость знака, речи и письма, этот мир, к которому уже сейчас тяготеет наше предбудущее (*futur antérieur*), еще не создал себе эскизов.

Версия #1

Зверобой создал 1 марта 2026 21:44:29

Зверобой обновил 1 марта 2026 21:51:36